

Светланов Евгений Федорович 28.01.97.

Евгений СВЕТЛАНОВ:

Ком. правда. - 1997. - 28 янв. - с. 5

«Я не знаю, что такое слава...»

Мы встретились с Евгением Светлановым в драматическую для него минуту. Заболел ведущий тенор, который должен был участвовать в исполнении грандиозной Восьмой симфонии Малера. Сам больной, дирижер пережил в Консерватории отмечалось 60-летие Государственного академического симфонического оркестра, 40 лет возглавляемого Светлановым.

- Евгений Федорович, вы отменяете концерт?

- Мы постараемся не отменить. Люди придут, нельзя их обмануть. Певец, оркестрант могут заболеть, единственный, кто не имеет права на болезнь, - дирижер. Он может только умереть...

- О, Господи, не будем об этом...

- Конечно, для меня это страшный удар. Единственное утешение, что мы осенью записали на компакт-диск эту знаменитую и самую трудную симфонию, которая получила название - не от Малера, а от его поклонников - Симфонии Тысячи, по символическому числу участников. Этой записью мы завершили цикл малеровских симфоний.

- Как вы выходите из депрессий, которые неизбежны? Как себя восстанавливаете? Лечите мыслью о новой работе или природой, которую, как мне известно, вы очень любите?..

- Если говорить о тяжелых моментах, то я лечился музыкой. Это лучший доктор. Ну и, конечно, Господь Бог.

- Вы великий музыкант, наверное, это сознаете, и в то же время обыкновенный...?

- Спасибо за такие слова. Я никогда не считал себя великим и не считаю. Я просто, как выразился когда-то Маяковский, ассенизатор. Всю жизнь что-то чищу, чищу, чищу - пытаюсь довести до блеска. Хотя ничто человеческое мне не чуждо, но жизнь моя вся посвящена музыке. Вот скоро уже 70... я вижу эту цифру, и так не хочется ее видеть! И все время

я работаю и работаю. И чем больше старею, тем больше наваливаю на себя работы...

В одной из книжек о нем прокла, что музыканты иногда называют дирижера «наездником», и оркестр, как норовистый конь, умеет сбросить не симпатичного ему седока. Это не имеет отношения к Светланову. Его музыканты сначала в Большом театре, потом в Государственном симфоническом оркестре СССР, в западных оркестрах всегда звучали как единое целое.

- Евгений Федорович, вы сделали великое дело: весь русский симфонизм - ваш.

- Да, так называемая антология русской симфонической музыки в грамзаписи. Начали мы ее лет 30 назад, а закончили в 90-м. Ну что значит закончили - что-то еще есть...

- Но главное сыграно?

- Главное сыграно. Например, балеты Чайковского и Глазунова, которые написаны, я считаю, как огромные симфонии. Или симфонические фрагменты из русских опер - огромный непочтатый край, это не просто страница русского симфонизма, а целый альбом. Или полонезы и вальсы. Или жемчужины русской симфонической миниатюры. Затем громадная работа коллектива - 39 сочинений симфонической миниатюры. Затем громадная работа коллектива - 39 сочинений Николая Мясковского, нашего великого симфониста, великого композитора. Это те вехи, которые утешают. Это поддерживают в тяжелые минуты.

В музыке только гармония есть...

- Я помню, когда вы были заняты этой мощной работой, о вас говорили: вот, мол, не хочет играть никаких западных композиторов, он такой национально ориентированный дирижер. Вас задевали эти разговоры? Вам приходилось от чего-то отказываться?

- Помимо русской музыки, я успевал играть и кое-что другое. И даже впервые в СССР

Но своей упорной работой над русской музыкой я обрел себя на штамп критики, как специалист по русской музыке. Я никогда не буду отрицать, что это не так. Наоборот, я скажу спасибо. Лучше быть в чем-то специалистом, чем ни в чем. Теперь критики говорят, что вот он пытается вырваться из штампа, из этого круга, и смотрите, огромный цикл шедев-

ров Брукнера, Малера, Моцарта... А я просто оставил это на тот период, когда у меня будут развязаны руки...

Я стала считать записи, сделанные им на Московском радио, фирме «Мелодия» и в зарубежных студиях звукозаписи, дошла до 500 и сбилась.

- Как-то неловко говорить вам в глаза, но это по плечу гиганту. Вы выстроили себе гигантский план и по нему построили это огромное здание. Вы, видимо, человек аскезы?

- Все было принесено в жертву музыке и исполнению планов. Радостей земных я позволял себе очень мало.

- Вас на Западе всегда очень высоко ценили и сейчас ценят. Сравнивают с величайшими дирижерами мира - Бернштейном, фон Караяном. У нас же вы как бы человек вне моды. Ощущаете какую-то досаду, обиду, от непонимания или это вне вашего темперамента?

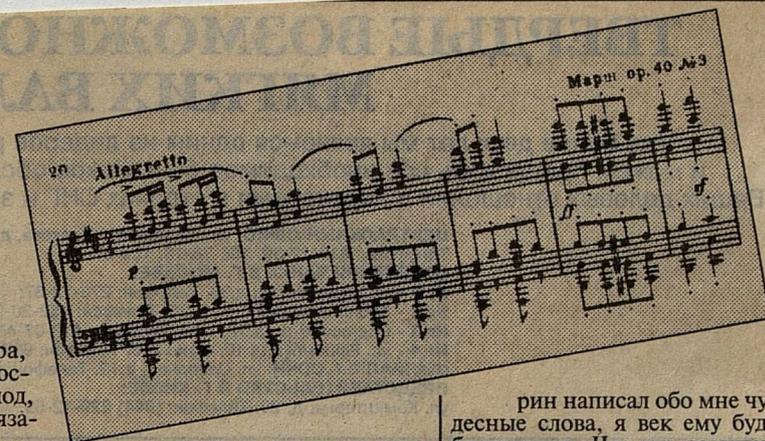
- Я очень ранимый человек. Меня много огорчает и волнует, но я стараюсь держаться и по возможности об этом...

- ... не думать?

- Не говорить. Не думать я не могу. Я беседовал со многими. Игорь Моисеев - наш старейший - сказал: а кому мы сейчас нужны? Сейчас модно другое. Приехал человек с Запада, выступает, дает концерты и возвращается обратно. А вокруг него нездоровый интерес. Выгнали, по большому счету, только Солженицына. А их никто не выгонял, сделали это добровольно, а теперь герои.

- Я как-то разговаривала с Александром Градским, который признался, что его очень мучает непризнание. Он говорит себе: Моцарт великий, и он не мучился этими вопросами, а я мучаюсь, значит, я не великий?..

- Об этом говорил Саша Градский?.. Как удивительно. Сашу знают все. Он очень по-

пулярен, талантлив, владеет и классической манерой пения. Недаром я пригласил его петь в «Золотом петушке», это был первый и последний эстрадный артист, который спел в опере в Большом театре.

- Евгений Федорович, вы женаты вторым браком...

- Третьим. Счастье пришло ко мне, как говорят англичане, на третий раз.

- И у вас в этом браке нет детей.

- Я воспитывал сына, которому сейчас 40 лет, от второго брака. В этом нет.

- Мне кажется, это потому, что вы сами являетесь ребенком своей жены.

- Совершенно верно. Жена очень со мной мучается. Она талантливейший журналист, которая работала на радио...

- ...и потом посвятила себя вам.

- Я у нее в неоплатном долгу.

- А какие были у вас счастливые моменты в жизни?

- Их было не очень много. И опять-таки это связано с премьерами, с чем-то новым, что удалось показать...

Он ничего не добавил. Из других источников узнала, что когда англичане впервые ахнули, услышав в его исполнении Первую симфонию Рахманинова, а потом то же самое произошло с жителями Вены при исполнении им Второй симфонии, за которой у них закрепилась репутация «неудачной», он был счастлив.

- А была в вашей жизни какая-то серьезная драма, после которой вы стали другим человеком, пошли по новому пути? Или ваш путь - достаточно прямой, без сбоев и особых коллизий?

- Если говорить честно, путь у меня прямой. Зигзагов, по моему, никаких не было. Шед-

рин написал обо мне чудесные слова, я век ему буду благодарен. Что он завидует тому пути, которым Светланов идет неуклонно с юности и с годами никуда не сворачивает. А что касается потерь... Многие мои близкие друзья уже там. А я здесь. Конечно, я изменился. Невольно. Каждая потеря откладывает очень сильный отпечаток, заставляет пережить тяжелейшие моменты. Спасает опять-таки музыка. Я должен в память о них продолжать работать.

- А все-таки каковы ваши отношения со славой?

- Я вам совершенно откровенно скажу, что никогда не чувствовал и по сей день не чувствую, что такое слава. И слава Богу, как говорится.

- Евгений Федорович, а откуда вы родом? Это вас родители наставили так? Почему у вас такой прямой путь?

- Конечно, прежде всего это от родителей, они оба - артисты Большого театра, и я уже с трех лет был на сцене Большого, дальше детский хор, дальше дирижер. И мне выпало огромнейшее счастье: у меня были замечательные учителя. Это главное, что получено мною в жизни и что я несу как... как хрустальную бесценную вазу...

Концерт состоялся. Только Восьмую симфонию Малера пришлось заменить на Первый концерт Чайковского. Это был один из самых вдохновенных вечеров артиста. Успех был ошеломляющий. Было зачитано письмо, в котором говорилось, что Светланов избран почетным академиком Международной Академии наук, индустрии, образования и искусств США с центром в Сан-Франциско.

Ольга КУЧКИНА.

Полностью беседу с Евгением Светлановым вы увидите в субботу, 1 февраля, в 18 часов по НТВ в программе «Время «4» с Ольгой Кучкиной».